HELSINGIN YLIOPISTON KIRJASTO

КОНСТАНТИНЪ БОЛЬШАКОВЪ

СОЛНЦЕ НА ИЗЛЕТЪ

HELSINGIN
YLIOPISTON
KIRJASTO

ЕНТ
РИФ
УГА

КНИГИ КОНСТАНТИНА БОЛЬШАКОВА

LE FUTUR. I книга стиховъ. Рис. Н. Гончаровой, М. Ларіонова Обл. Л. Ларіонова. М. 1913. (Конфисковано).

СЕРДЦЕ ВЪ ПЕРЧАТКѢ. Стихи. Обл. Н. Гончаровой. К-во „Мезонинъ Поэзіи". М. 1913. (Распродано).

ПОЭМА СОБЫТІЙ. Нумерованное изданіе. К-во „Пѣта". М. 1916. Ц. 50 к.

СОЛНЦЕ НА ИЗЛЕТѢ. II книга стиховъ (1912—1916). К-во „Центрифуга", М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

ЗЕМНАЯ СМЕРТЬ. Повѣсть грядущихъ дней. (Выйдетъ осенью 1916).

ДЬЯВОЛЪ ИЗЪ МРАМОРА. Лирическая драма. (Готовится).

КОРОЛЕВА МОДЪ. Лирическіе діалоги. (Готовится).

АНГЕЛЪ ВСѢХЪ СКОРБЯЩИХЪ. III книга стиховъ. (Готовится).

HELSINGIN YLIOPISTON KIRJASTO

КОНСТАНТИНЪ БОЛЬШАКОВЪ

СОЛНЦЕ НА ИЗЛЕТѢ

ВТОРАЯ КНИГА СТИХОВЪ

1913—1916

МОСКВА
Книгоиздательство ЦЕНТРИФУГА
MDCCCCXVI

1916

КНИГА ОТПЕЧАТАНА ВЕСНОЙ ТЫСЯЧА
ДЕВЯТЬСОТЪ ШЕСТНАДЦАТАГО ГОДА
ТИПОГРАФІЕЙ Т./д. И. Н. ГРЫЗУНОВЪ и К°
ВЪ МОСКВѢ ДЛЯ К-ВА „ЦЕНТРИФУГА“.

Бирюзоваго моря заливъ тамъ,
Клонятся къ влагѣ вечерней пальмы,
И гудящимъ сурово лифтамъ
Уносили глухую печаль мы.
Мы скользнули съ площадки,—
Какъ быстро
Замелькаютъ въ глазахъ этажи!
О, послѣднее,
Новые выстрой!
О, послѣднее, про нихъ разскажи!
Вѣдь ихъ двадцать прошло,
И не будетъ
Такихъ же, какъ были,
А здѣсь...
Будто въ майскомъ счастливомъ изумрудѣ
Утонулъ и расплакался весь,
Но не я, а послѣдній вечеръ,
Гдѣ вечерняя влага, какъ сонъ,
Будто хрупкія спрятались плечи
Въ громадѣ амвонныхъ колоннъ,
Будто звонъ
Со слѣпой колокольни
Падаетъ въ зелень зоркихъ травъ
Порочные взоры невольнѣй
Тянутся къ кубку отравъ.
Ахъ, всѣмъ въ мірѣ оптикамъ
Сдѣлать такихъ же нельзя,
Потому, что каждый паноптикумъ
Такіе глаза для выставки взялъ...

И, какъ волны морей
Неотступные приступы армій,
Какъ весенній восторгъ въ каждомъ новомъ году—
Эти дни, какъ запахъ Violette de Parme
И.... когда же уйду?
Вѣдь построены всѣ
Прямые, какъ линіи
Домовъ въ столицахъ,
Сѣренькіе, какъ мышь,
И небо простое и синее
Легло на ладони крышъ,
А вечеръ придетъ и повиснетъ нелѣпо,
Запутавшись въ рощахъ дымящихъ трубъ,
И будетъ тянуться къ городу небо
Кровавымъ мякишемъ губъ;
Заплещутся стекла на окнахъ изъ золота,
И улицамъ втиснутъ упругій шумъ,
А небо и тучи расколоты,
Какъ мозгъ, безумьемъ пылающихъ думъ...
И всѣ, что росли и крѣпли,
Днемъ напрягая безволье силъ,
Нервы,
Которые были и не были,
Разлились,
Въ тревогѣ медленный Нилъ,
И тотъ благоговѣйный,
Что въ храмѣ никъ,
И тѣ, что нѣжны, какъ рисунокъ на ситцѣ,
Какъ будто вѣка простоявшій памятникъ
Чугунныя хочетъ раскрыть рѣсницы,
О, за годомъ пронесшійся годъ,
Когда больше ничто ужъ не снится,
Какъ гроза, исчертившая зеркало водъ,
Какъ полетъ
Убѣгающей птицы.
Надъ землею и небомъ, какъ сжавшихся рукъ,
Сквозь ладони закатъ
Раскаленною пылью промечетъ...
Это солнце на излетѣ, свершивъ полукругъ
Огибаетъ послѣдній вечеръ...
Вѣдь ихъ двадцать, ихъ двадцать...
А дальше?
Уносимы ласкающимъ лифтомъ...
О, поймите, что вечеръ послѣдній—печаль,
Вѣдь печаль же!
А вечерняя влага, а пальмы, а заливъ тамъ?

Пгр. Мартъ 1916 г.

МОЛИТВЫ ЛЮБИМЫМЪ

Quand vous serez bien vielle.....
Direz chantant mes vers, en vous esmerveillant:
„Ronsard me celebrait du témps, que j'etais belle".

(*P.* de Ronsard).

1.

МОЛИТВА ЛЮБИМОЙ

Ахъ, не скрыть густымъ и грустнымъ рѣсницамъ
Глазъ, смотрящихъ только на одну.
Вы по жизни моей, какъ по книги страницамъ,
Съ тихимъ шелестомъ тихо прошли въ тишину,

Вы прошли въ тишину, серебристое имя,
Какъ неслышная поступь шаговъ
Богомольно несется губами моими
На алмазы кующихся строфъ.

Какъ влюбленному мальчику дороги вещи,
До которыхъ коснулись любимой рукой,
А тоска съ каждымъ днемъ неотступнѣй и рѣзче,
Каждый день неотступнѣй съ своею тоской.

Никогда не сказать серебристое имя,
Никогда не назвать Васъ, одну,
Какъ по книги страницамъ, Вы днями моими
Въ неизбѣжную тихо прошли тишину.

Іюль 1915 г.

2.

ЕЩЕ МОЛИТВА

Н. Г. Валленбургеръ.

Это сердце, зажженное Вами, сгоритъ Вамъ,
Какъ любимому, милому Богу, свѣча,
То спускается ангелъ къ альковнымъ молитвамъ
И въ тяжелыхъ драпри его вздохи молчатъ.

Что сегодня? Разсвѣтъ послѣ раненой ночи,
Раскаленный, распятый, измученный день?
Или ночь послѣ дня изступленно хохочетъ
И киваетъ безстыдно на каждую тѣнь?

Какъ на прахъ эшафота безсильно поверженъ
Въ этой сладостной дрожи недвижимъ, какъ трупъ.
Чьей рукой высоко вознесенъ и задержанъ
Этотъ мигъ, эта пытка измученныхъ губъ?

И когда только шепотъ въ тѣни изголовій,
Какъ израненый вздохъ, долетитъ.
Это сердце, зажженное мукамъ и крови,
Тихимъ пламенемъ Вамъ догоритъ.

Іюль 1915 г.

3.

И ЕЩЕ

Въ часъ, когда гаснетъ закатъ и къ вечеру,
Будто съ мольбой протянуты руки деревъ,
Для меня расплескаться ужъ нечему
Въ этомъ ручьѣ неразслышанныхъ словъ.

Но вѣдь это же ты, чей взоръ ослѣпительно нуженъ
Чтобъ мой голосъ надъ жизнью былъ поднятъ,
Чья печаль, ожерелье изъ слезныхъ жемчужинъ
На чужомъ и далекомъ сегодня.

И чьи губы не будутъ моими
Никогда, но святѣй всѣхъ святынь,
Вѣдь твое серебристое имя
Пронизало мечты.

И не все ли равно, кому вновь загорятся
Какъ свѣча передъ образомъ дни.
Свѣтлая, подъ этотъ шопотъ святотатца
Ты усни....

И во снѣ не встрѣтишь ты меня,
Нѣжная и радостно тиха
Ты, закутанная въ звонъ серебрянаго имени,
Какъ въ ласкающіе вкрадчиво мѣха.

Январь 1916 г.

4.

О, королева, вчера
Вы, выходя изъ трамвая,
Подали пятачекъ оборванцу
И потупили взоръ....

На голубоосенней вышинѣ
Бѣлый лебедь облако
Надъ хрустально-четкимъ городомъ
Плыветъ, какъ и надъ хрустально-четкимъ лѣсомъ...

О, королева, вчера,—
Лишь вчера,
А сегодня осень
Исхрусталила сердце,
И въ хрустальный бокалъ его,
Я Васъ прошу,
Вы налейте Вашей улыбкой
Тягучаго и томнаго ликёра мечты,
Потому что теперь—осень,
Потому что все—четко-хрустально.....

И сквозь рубиновую влагу его
Прорубинитъ рубиновой паутиной
Лампа на моемъ столѣ
И фонарь за окномъ
Рубиновымъ глазомъ.....

О, королева, вчера
Вы, выходя изъ трамвая,
Подали пятачекъ оборванцу
И потупили взоръ....

Августъ 1913 г.

5.

НА КНИГѢ СТИХОВЪ

Ю. А. Эгерту.

Нѣтъ здѣсь не Вамъ... И бархатный околышъ,
Тульи голубоватой желтый кантъ, и грустный взоръ,
И тонкихъ пальцевъ хрустъ, и хрупкій голосъ
Фарфоровый, какъ сонъ... Костеръ,
Зажженный изъ сердецъ, серебряныя елки
Насъ обступили, ждутъ,—
Вчера—. . . . . ., дремавшій по проселку,
Сегодня—маятникъ минутъ.
Чуть розоватыми снѣгами въ дали
Уходитъ грусть полей.
Вамъ шепоты печали
Моей.

Все въ Васъ
Отъ удивленности пробора
До глазъ,
Похожихъ на топазъ...
Минутъ моихъ минуты слишкомъ скоро
Несутся... А у Васъ?
У Васъ такихъ томленій названныя сестры
Ткутъ счастья медленную нить,
Но кто такъ остро
Могъ любить?

6.

О, темный шелкъ кудрей, о, профиль Антиноя,
И грудь, и шея, вы о, пальцы хрупкихъ рукъ,
О васъ, лишь помня васъ, сегодня сердце ноетъ
Однимъ предчувствіемъ томяще-сладкихъ мукъ.
Единственный, какъ свѣтъ, безцѣнно-милый другъ,
Вы, чьи глаза, какъ день, наполненные зноемъ
Іюльской синевы двѣ чаши сладкихъ мукъ,
И Вы пройдете въ тѣнь, и профиль Антиноя
Забудется, какъ все, какъ пальцы хрупкихъ рукъ.

Май 1915 г.

7.

Пилъ безнадежный чай. Въ окнѣ струился
Закатной киновари золотой
Потокъ. А вечеръ близко наклонился,
Шептался рядомъ съ кѣмъ то за стѣной.

Свѣча померкла Вашихъ взглядовъ.
Чертили пальцемъ Вы—какой узоръ?—
На скатерти. И вѣтка винограда
Рубиномъ брызнула далекихъ горъ.
Ахъ, это слишкомъ тихо, чтобъ промолвить,
Чтобъ закричать,—здѣсь счастье, здѣсь, здѣсь „ты“!
Звенѣло нѣжно серебро безмолвій,
И въ узкой вазѣ вянули цвѣты.
Ахь, это слишкомъ тихо, что-бы близко
Почуять пурпуръ губъ и дрожь руки,—
Надъ взорномеркнущей свѣчой безъ риска
Крылили вы, желаній мотыльки.

Іюль 1913 г.

8.

ОФЕЛІЯ ИЗЪ ОБЛАКОВЪ

Кн. Н. А. В—ой.

Она течетъ. И плескъ надъ каждымъ всплескомъ,
Какъ на стеклѣ залитыхъ солнцемъ оконъ
Свивается, какъ радуга, въ вѣнокъ онъ
Въ хрустальномъ воздухѣ хрустальнымъ блескомъ.
Она течетъ. И плескъ надъ каждымъ всплескомъ.
Нить дней моихъ, отъ Сѣвера до Юга,
Отъ чайныхъ домиковъ до водъ валовъ,
Несетъ, какъ ладонку, тебя, подруга,
Офелія изъ облаковъ.

Какъ запахъ буквъ въ евангельской легендѣ,
Какъ шелесты развернутыхъ исторій,—
Любимыя, любившія во взорѣ
Небрежнаго, какъ лѣтній вечеръ, дэнди.
Какъ запахъ буквъ въ евангельской легендѣ,—
Жемчужныхъ строкъ осеннія гирлянды,
Грусть плещущихся объ одномъ стиховъ,
Какъ въ лунной ночи кружево веранды
Офелія изъ облаковъ.

Іюль 1914 г. Константинополь.

9.

МОЛИТВА ПОСЛѢДНЯЯ

Дней золотыхъ и тяжелыхъ, какъ медъ
Уже собирать становится некому...
Это—время спокойное дальше течетъ
Это память не сдержитъ радостный бѣгъ ему,

Это все далеко, это губы не пьютъ
Дней моихъ, предвечернія пчелы,
Это въ нихъ, въ золоченый и свѣтлый пріютъ
Уже не войдешь царицей веселой...
И пришла отойти и, какъ исповѣдь, въ сердцѣ пустомъ
Надъ полями несутся тучи, сшитыя изъ клочій,
Это влагу цѣлебную всѣхъ истомъ
Минуты сносятъ къ послѣдней ночи,
Чтобы тамъ такъ остры, и изъ памяти годъ
Вновь выводятъ измученнымъ крикомъ.
Въ дняхъ золотыхъ и тяжелыхъ, какъ медъ,
Уже не мелькнетъ
Твоего лучезарнаго лика.

Январь 1916 г.

10.

МАДРИГАЛЪ

Мои глаза преддверье лѣтней ночи,
Въ іюлѣ вечеръ, тюль изъ синевы.
Въ нихъ каждый мигъ становится короче,
И въ каждомъ мигѣ дышите лишь Вы.

Январь 1913 г.

СЕРДЦЕ ВЪ ПЕРЧАТКѢ

Et celles dont le coeur gante six et demi

(Jules Laforgue).

1.

ПОСВЯЩЕНІЕ

По троттуару сердца на троттуары улицы,
Въ тюль томленья прошедшимъ Вамъ,
Надъ лѣнью вечера, стихая надъ стиховъ амурницей,
Серпъ—золоченнымъ словамъ.

Впетличивъ въ сердце гвоздичной крови,
Синеозёритъ усталымъ взоромъ бульваръ.
Всѣмъ, кого солнце томленьемъ въ постели ловитъ.
Фруктъ изрубинитъ вазный пожаръ.

И, Вамъ, о, единственная, мои стихи приготовлены—
Метръ д'отель, улыбающій равнодушную люстру,
Развѣ можетъ заранѣе ужинъ условленный
Сымпровизировать въ улыбаться искусство.

Чтобъ взоры были, скользя колѣней, о нѣтъ, не близки,
А Вы, какъ вечеръ были ласковая.
Для Васъ, о, единственная, духи души разбрызгалъ.
Когда вы роняли улыбки, перчатку съ сердца стаскивая.

Августъ 1913 г.

2.

ГРЕЗНАЯ ВАННА

Въ ванну грёзную окунули мысли,
Въ ваннѣ грёзной потопили мечты.
Въ пудреницѣ сердца мечты сплелись-ли?
Мыслить лѣнью лѣнятся глазъ цвѣты.

Едва странно ванну душить духами
Лилій розовыхъ и своихъ грудей.
Въ ваннѣ грёзной розовыми стихами
Пудрить лилій въ пудреницѣ затѣй.

Въ ваннѣ грёзной сладко разсыпать бисеръ,
И потупить нѣжно лукавый взоръ,
И вступить въ дѣйствительность, какъ на рысій
Тотъ коверъ, что передъ вами себя простеръ.

Августъ 1913 г.

3.

Мягко въ моторѣ взорили сердце.
Мягко коснулись кожей перчатки.
Смѣхомъ труверить. Сладко смотрѣться.
Сладко труверить... „Скучно вы сладки".

Скучно повѣрить только въ возможность,
Шпильте гвоздикой трепетъ загрезный.
Такъ невозможно—быть осторожнымъ
О, улыбнитесь, вы не серьезны.

Стрѣлить во взорѣ нѣжностью синей,
Мягко въ моторѣ плыли догадки.
Сердце, подъ гриммомъ блѣднѣя, стынетъ
Въ вашей душеной гвоздикой перчаткѣ.

Августъ 1913 г.

4.

АТТРАКЦІОНЪ

Ник. Терзи-Терзіеву.

Качели, качели печали, качели печали качали: „молчи",
И въ плачѣ печали качели качали, печали качели въ ночи.
Опрокинувшись въ качкѣ,
Голова закружилась.
Сжались бѣло фонари.
Ты лицо не испачкай

(Тѣнь тины проходила)
Въ аломъ углѣ платка зари....
Лихачъ.... Въ пролеткѣ взлетъ качелей
Печаль почила свѣтлыхъ глазъ...
Минуты млѣли и млѣли
Тамъ, гдѣ стелился фонарный газъ...
А дальше? А дальше качели, качели печали качали—„молчи"
И въ плачѣ печали качели качали, печали качели въ ночи.

Іюль 1913 г.

5.

ИММОРТЕЛЬ

Вы растрелили пудренное сердце,
Оклонясь на медлительности рѣчной.
Опрокинясь тюль улицъ вертѣться,
Вы смотрѣли на лица взора встрѣчныхъ.

Вы вошли на осенній цвѣтникъ изъ проститутокъ,
Тюль разсвѣта вуалью соблазнили,
Потому что вертѣться вѣки сомкнуты,
Потому что вертѣться въ тюль автомобили...

Ваши взоры сомкнуты—плыли тюль минуты.
Потому что вертѣться грезится сердце,
Потому что вертѣться (ахъ, не надо блѣднѣться)
Вы вошли на осенній цвѣтникъ изъ проститутокъ.

6.

ВЕСНА ВЪ КИНЕМАТОГРАФѢ

Минутъ садистическихъ истомленные гости,
Забытые плѣнные, гдѣ нѣтъ побѣдителей,
О, пожалуйста, Ваши руки отбросьте—
Сердце въ Вашей перчаткѣ... Вы повѣрить хотите ли?

Гдѣ колѣни въ ажурѣ, какъ мѣсяцъ, не встрѣтятся,
Гдѣ носокъ у влюбленнаго страшно ботинка,
Наступивъ на уступчивость, гдѣ любовь—гололедица,
Гдѣ заклеены взоры рекламою Зингеръ,

Гдѣ надъ буквою З издѣвалась боярышня
И вертѣла въ обратную сторону ручку,
Гдѣ входила боярышня, выходила боярыня, въ магазинъ уваженія
старшимъ,
А забытые гости—секунды собирались всѣ въ кучку,

И играли со смѣхомъ въ крапленыя карты
И игра называлась игрою въ улыбки...
О, пожалуйста, въ этомъ дрябленькомъ Мартѣ...
Ваши руки, какъ гости, Ваши руки, какъ рыбки,

Какъ акваріумъ свѣта, гроты блещущихъ улицъ,
Солнце—влага и пламя, трепетъ солнечныхъ мантій...
Ваши взоры коснулись... О, всегда, берегу лицъ
Память въ сердцѣ воздушныхъ, и воздушною станьте.

Какъ восторга воздушныхъ, Вы вуали отбросьте
Душу выпить желаньемъ и мечтать не хотите ли...
Минутъ садистическихъ истомленные гости,
Забытые плѣнные, гдѣ нѣтъ побѣдителей.

Октябрь 1913 г.

7.

АЭРОМЕЧТА

Взмоторить вверхъ, уснуть на пропеллерѣ,
Уснуть сюда, сюда закинувъ голову,
Сюда, сюда, гдѣ съ сѣрымъ на сѣверѣ
Слилось слѣпительно голубое олово.

На шумѣ шмеля шутки и шалости,
На воздухъ стынущій въ мѣха одѣтые
Мы бросимъ взятой съ земли на землю кусочекъ жалости,
Головокружась въ мечтахъ кометами.

И вновь, какъ прежде, уснувъ на пропеллерѣ,
На шумѣ шмеля шутки и шалости,
Мы спустимся просто на грѣзномъ вѣерѣ
На брошенный нами кусочекъ жалости.

Августъ 1913 г.

8.

АВГУСТУ

И снова ты, ничуть не измѣнившійся,
Отъ пятъ такой же юный до чела,
И темный взоръ, навѣки чѣмъ плѣнившійся,
Колеблетъ струны глазъ, какъ черныхъ два крыла.

И снова ты съ задумчивой улыбкою
На розахъ устъ, бутонахъ розъ тугихъ,
И мраморитъ надъ синевою зыбкою,
Чуть розовѣя, мраморъ плечъ нагихъ.

И снова ты, и на груди цѣлованной
Мой поцѣлуй отмѣтили сосцы.
Такой же юный, ты пошли уловы намъ,
Твоей мы ночи ранніе косцы.

Изъ зелени пропыленной заглядывай
На улыбнувшійся тобой бульваръ.
Смѣясь, идешь трамвайной проволокой обрадовать,
Мой Августъ, на избитый тротуаръ.

Августъ 1913 г.

9.

Вы носите любовь въ изысканномъ флаконѣ,
Въ граненномъ хрусталѣ смѣющейся души.
Въ лазурныхъ розахъ глазъ улыбка сердца тонетъ,
Въ лазурныхъ розахъ глазъ—бутоны розъ тиши.

Духи стиховъ въ мечту, плѣнительныхъ въ изыскѣ,
Проливъ на розы глазъ въ лазурныхъ розахъ глазъ,
Вы прошептали мнѣ, вы прошептали близко,
То, что шептали вы, о, много, много разъ.

Вы носите любовь въ изысканномъ флаконѣ.
Въ граненномъ хрусталѣ смѣющейся души.
И запахъ розъ мечты моей не похоронитъ,
Что прошептали вы, что сказано въ тиши.

10.

БАЛЛАДА О КОРОЛЕВѢ МАИ

Незнанный другъ, такъ странно близкій,
О чемъ, склоняясь, вы мечтали?
Растаялъ гулъ органа низкій
Все тише, тише своды стали,
И дыма тонкія вуали
Плывутъ, струясь и нѣжно нитясь,
Перекрестясь, Вы прошептали:
„О, королева Май, вернитесь“!

И свѣтъ струился въ старомъ залѣ
И глазъ струились, глазъ записки,
И наклонялись и шептали
Мечты нарядной одалиски:

„На лунно-красномъ, красномъ дискѣ
Не дремлетъ онъ, вечерній витязь,
Съ копьемъ на сердцѣ обелискѣ.—
О, королева Май, вернитесь“!

Очаровательная въ рискѣ
Самой придти, чтобъ на вокзалѣ,
Плѣнительную Васъ въ изыскѣ
Духовъ, покорно провожали
Чтобъ взоры, помня что?, молчали,
Чтобъ Вамъ сказали, „удивитесь:
Вашъ пажъ совсѣмъ же не печаленъ“....
О, королева Май, вернитесь!

Вашъ пажъ, герой дѣвичьихъ спаленъ,
Забылъ, что было,—не стремитесь,—
Вѣдь Вы вернуться обѣщали,
О, королева Май, вернитесь!

Августъ 1913 г.

11.

АВТОПОРТРЕТЪ

Ю. А. Эгерту

Влюбленный юноша съ порочно-нѣжнымъ взоромъ,
Подъ смокингомъ легко развинченный брюнетъ,
Съ холоднымъ блескомъ глазъ, съ изысканнымъ проборомъ.
И съ перекинутой пальто душой поэтъ.

Улыбки грѣшной грусть по томности озёрамъ
Порочными безъ слезъ глазами глазъ разсвѣтъ
Мелькнетъ изъ глазъ для глазъ неуловимо-скорымъ
На миги вспыхнувшій и обреченный свѣтъ.

Развинченный брюнетъ съ изысканнымъ проборомъ
Порочными безъ слезъ глазами глазъ разсвѣтъ,
Влюбленный юноша съ порочно-нѣжнымъ взоромъ
И съ перекинутой пальто душой поэтъ.

Май 1914 г.

12.

Милостивые Государи, сердце разрѣжьте,
Я не скажу ничего
Чтобы быть такимъ, какъ былъ прежде,
Чтобъ душа ходила въ штатской одеждѣ
И, раздѣвшись, танцовала танго.

Я не скажу ничего,
Если вы бросите сердце, прощупавъ,
На тротуарное зеркало-камень,
Выбреете голову у сегодня-трупа,
А завтра едва ли заѣдетъ за вами

Сердца, изъ-подъ сардинокъ пустыя коробки,
Свѣсьте, отправляясь на бульвары
Волочить вуаль желаній, втыкать взорныя пробки
Въ небесный пологъ, дырявый и старый.

Въ прозвѣздныя плюньте заплатки.
Хотите ли, чтобы передъ вами
Жонглировали словами?
На томъ же самомъ бульварѣ
Въ таксомоторѣ сегодня ваши догадки
Безплатно катаю, Милостивые Государи.

Октябрь 1913 г.

13.

Монету жалости опуститъ,
Слѣдя за шалостями зорко,
Не для нерасточившихъ грусть
Подъ аккомпаниментъ восторга...

И не тангируютъ сомнѣнья
Невинностью припудря лица,
А этотъ ускользнувшій день
Не на автомобилѣ мчится,

И не единственностью гордо
Сердецъ, закованныхъ въ перчатки,
Сквозь охладившихся ретортъ—
„Замѣченныя опечатки".

Мартъ 1914 г.

14.

СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

..... Мое святое ремесло.

(К. Павлова.)

Давно мечтательность, труверя, кончена,
И вморфлена ты, кровь искусства.
Качнись на площади. пьянь, обыденщина,
Качайся, пьяная, качая вкусъ твой.

Давно истерлось ты—пора румяниться,
Пора запудриться, бульваромъ грезя,
И я, твоихъ же взоровъ пьяница,
Пришпилю слезъ къ бумажной розѣ.

Шаблонъ на розу! Ходи, выкликивай.
Шаговъ качающихъ ночь не морозитъ;
О, не одинъ тебѣ подмигивалъ.

Октябрь 1913 г.

15.

Загороднаго сада расходились посѣтители,
Гриммируя секунды въ романтическую поэму.
Мягкимъ взоромъ написали улыбку,—„посидите“,
Обрывая задумчивыми губами хризантэму.

Окуная сердце въ рюмку ликёра томительно,
Вы, принцесса грёзная, утомились,
Сказали черно-стеклярусным взоромъ,—возьмите;
И на насъ, прищурившись, звѣзды сверху косились.

О, я видѣлъ, какъ съ Вашихъ пальцевъ капали
Слова, какъ жемчужины, и ихъ нижутъ чьи то губы,
А Вашъ взоръ растаялъ во мглѣ подъ шляпой.
Одѣтый въ тысячи черно-шуршащихъ юбокъ.

Ноябрь 1913 г.

МОЙ ГОДЪ

Suivi du Suicide impie
A travers les pâles cités...

(A. de Vigny).

1.

PRELUDE

Конст. Липскерову.

Весна, изысканность мужского туалета,
Безукоризненность, какъ смокингъ, вешнихъ правъ...
А мнѣ—моя печаль журчаньемъ тріолета
Струиться золотомъ въ янтарность vin de grave.

Кинематографъ словъ, улыбокъ и признаній,
Стремительный побѣгъ ажурныхъ вечеровъ,
И абрисъ полночи на золотомъ стаканѣ,
Какъ гонгъ, картавое гортанно серебро,

И электричество мелькнувшихъ зорко взоровъ,
Пронзительный разсвѣтъ раскрытыхъ кротко глазъ.
Весь Вашъ подошвъ я отъ до зеркала пробора,
Гримасникъ милыхъ позъ, безмолвно—хрупкій часъ.

Февраль 1914 г.

2.

ВЕСНА

Воздухъ по дѣтски цѣлуется
На деревьяхъ развѣшены слёзы,
Пробиваютъ, какъ скорлупу яйца,
Снѣгъ шаги. А въ сердцѣ заноза....

И Вы проходите и мимо проносите
Мою любовь и воспоминаній тысячи
Сосульки по крышамъ хрупкіе носики
Заострили. А Вы сейчасъ....

О, я знаю, что на лѣто нафталиномъ
Перекладываютъ всѣ зимнія вещи,
Чувствуя, что время становится длиннымъ,
А тоска значительно рѣзче.

3.

ВЕСЕННЕЕ

Кто же скажетъ, что этимъ безтрепетнымъ пальцамъ
Душу дано изласкать до безумья?
Кто же назоветъ колокольню страдальцемъ,
Позвякивающую сплетнями въ весеннемъ шумѣ?

Кто же душу на сумерки нѣжно
Вынесъ и положилъ, не безпокоясь,
Что её изласкаютъ пальцы яблони снѣжной,
Въ сладострастьи распускающей поясъ?

А, можетъ быть, сумерекъ взорами хищницы
Мнѣ любовница незнанная откроется...
Поглядите, какъ выпуклыя бедра земли пышнятся
И отъ голубого неба до зеленой земли кѣмъ до лѣстницы
строются

А взору сквозь прорѣзы листвы, зрачковъ изумруды
Снится сумасшедшихъ грезъ и отравъ рѣка,
И увозятъ снисходительные верблюды
Раскапризничавшуюся отъ зноя Африку.

Вотъ сегодня нащупаемъ даль мы,
Вотъ сегодня опустимся на дно душъ,
И сочатся сквозь бѣлые зубки пальмы
Солнечныя грёзы давно ужъ.

Іюль 1914 г.
Геленджикъ.

4.

ЛѢТО

Знаю, что значитъ каждый
Милаго профиля поворотъ.—
Это въ безумьи неутолимой жажды
Пить жадно прильнувшій ротъ.

Это опять и опять лѣтнее небо
Скроютъ рѣсницы... И что?
И нѣтъ мѣста, гдѣ бы
Губы не льнули еще...

Знаю, что дальше... И круче
Склонъ истомленнаго дня.
Эти въ румянцѣ тучи
Золотымъ закатомъ звенятъ...

Іюль 1915 г.

5.

ВЕРНИССАЖЪ ОСЕНИ

Осенней улицы всхлипы Вы
Сердцемъ ловили, сырость лаская.
Фольгу оконъ кофейни Филиппова
Блѐститъ брызги асфальтомъ Тверская.

Дымные взоры рекламы теребятъ.
Ахъ, восторга не надо, не надо...
Золотыя пуговицы рвали на небѣ
Звѣзды, брошенныя Вашимъ взглядомъ.

И Вы скользили, единственная, по улицѣ,
Брызгая взоромъ въ синюю мглу,
А тамъ, гдѣ сумракъ, какъ ваши взоры, тюлится,
За вами слѣдила секунда на углу.

И гдѣ обрушились зданья въ провалы
Минутной горечи и сердца пустого,
Вамъ нагло въ глаза расхохоталась
Улыбка красная рекламы Шустова.

6.

ОСЕНЬ

Михаилу Кузмину.

Подъ небомъ кабаковъ, хрустальныхъ скрипокъ въ кубкѣ
Растетъ и движется невидимый туманъ.
Берилловой ликеръ въ оправѣ рюмокъ хрупкихъ
Тѣлесно розовый, раскрывшійся бананъ.

Дыханье нѣжное прозрачнаго безшумья
Въ зеленый шепотъ травъ и визгъ слѣпой огня,
Изъ тѣни голубой вдругъ загрустившей думѣ,
Какъ робкій шепотъ дней, просить: „возьми меня“:

Подъ небо кабаковъ старинныхъ башенъ просѣдь
Ударомъ утреннихъ вплетается часовъ.
Ты спишь, а я живу, и въ жилахъ кровь проноситъ
Хрустальныхъ скрипокъ звонъ изъ кубка головокъ.

25. IX. 1914 г.

7.

ЗИМА

Борѣ Нерадову.

Вечеръ заколачиваетъ въ уши праздникъ
Тѣмъ, кто не хотѣлъ въ глаза ему взглянуть,
Потому что всѣ души тоскующія дразнитъ
Протянувщійся по небу Млечный Путь,

Потому что неистово и грубо
Цѣлый часъ разсказывалъ передъ ними,
Что гдѣ-то есть необыкновенныя губы
И тонкое, серебрянное имя.

Дразнилъ и расказывалъ такъ, что даже маленькая лужица
Уже застывшая пропищала: — Ну вотъ,—
У меня слеза на рѣсницѣ жемчужится,
А онъ тащитъ въ какой-то звѣздный хороводъ.

И отъ ея писка ли, отъ смѣха ли
Вздыбившихся улицъ, несущихъ размѣренный шагъ
Звѣзды на горизонтѣ раскачались и поѣхали,
Натыкаясь другъ на друга впотьмахъ.

И надъ черною бездной, гдѣ бѣлыми нитками
Фонарей обозначенный городъ не съѣдется,
Самымъ чистымъ морозомъ выткано
Млечный Путь и Большая Медвѣдица.

Февраль 1915 г.

8.

САМОУБІЙЦА

Ел. Ш.

Загороднаго сада въ липовой аллеѣ
Лунный лучъ, какъ мертвый, въ кружевѣ листвы,
И луна очерчиваетъ, какъ опалы, млѣя,
На печали вытканный абрисъ головы.

Юноша безъ взгляда, гибкостью разсѣянъ,
Пальцы жадно ловятъ пылкій пульсъ виска,
А тоска изъ шумовъ скрывшихся кофеенъ
Приползаетъ хрупко хрустами песка.

Юноша безъ взгляда,—это вѣдь далеко!—
Ну, почемъ я знаю загородный садъ?...
Юноша безъ имени,—это вѣдь изъ Блока,—
О, тебѣ, мой дальній, грустно-милый взглядъ...

Тамъ, гдѣ кущей зелень, тамъ оркестръ и люди,
Тамъ огни и говоръ, и оттуда въ тѣнь,
Проплываетъ въ хрупкомъ кружевѣ прелюдій,
Какъ тоска и мысли, лунная сирень.

Этотъ свѣтъ и блики! Это только пятна
На пескѣ дорожекъ отъ лучей луны
Или шепотъ шума вялый и невнятный
Въ хрупкихъ пальцахъ цѣпкой, хрупкой тишины.

И не можетъ выстрѣлъ разорвать безмолвья,
Сестры, только сестры—смерть и тишина,
Только взоръ, какъ плёнкой, весь утонетъ въ оловѣ
И не отразится въ немъ съ вершинъ луна.

Апрѣль 1914 г.

—КАКИХЪ ТО СООТВѢТСТВІЙ

. Такъ на холстѣ какихъ то соотвѣтствій
Внѣ протяженія жило лицо.

(В. Хлѣбниковъ).

1.

Л. М. Лисицкому.

Луна плескалась, плескалась долго въ истерикѣ,
Моторы таяли, жужжа, какъ оводы,
И въ синее облако съ контуромъ Америки,
Отъ города гордо метнулся багровый дымъ.

А тамъ, гдѣ гасли въ складкахъ синяго бархата,
Скользя, какъ аэро, фейерверки изъ звѣздъ,
Въ стеклянные скаты крышъ десятиэтажныхъ архонтовъ
Пролитъ электричествомъ безжалостный тостъ.

И въ порывахъ рокота и въ нервахъ вѣтра
Металось сладострастье, какъ тяжелый штандартъ,
Гдѣ у прохожей женщины изъ грудей янтаремъ „Cordon Vert'a“,
Сквозь корсетъ проступало желанье, какъ азартъ.

А въ забытой сумракомъ лунной лысинѣ,
Гдѣ эластично рявкнуло, пролетая, авто,
Сутуло сгорбясь, сердито высится
Ожидающая улица въ мужскомъ пальто.

Октябрь 1913 г.

2.

НА УЛИЦѢ

I

Панели любовно вѣтеръ вытеръ,
Скосивъ удивленные глаза...
Лебеди облаковъ, изъ витринъ кондитерской,
Въ трепетѣ, какъ однокрылая стрекоза.

И насъ обоихъ рукой коромысла,
Смѣясь, сравняли мясные вѣсы.
И кто-то стрѣлки за циферблатъ выслалъ,
Ломая траурныя палочки-часы.

Лебеди облака въ хмуромъ трепетѣ
Шепотомъ кутались въ тысячи позъ,
И вся улица смотрѣла, какъ Вы прицѣпите
Къ моимъ губамъ Ваши губы изъ розъ.

II

Ахъ, остановите! Все валится,
Въ сердце рушится за небоскрёбомъ небоскрёбъ!
Ахъ, уберите! Оригинальности
Розовую мордочку спрячьте въ гробъ!

Снѣга, какъ изъ влажной перины,
Запушили фонарную яркость...
Слушайте! Кажется! Вальсъ старинный
Сейчасъ прогуляется по Луна-Парку!

Ахъ, остановите! Все валится,
И остатки расшатала тревога,
Я фонарнымъ золотомъ и снѣгомъ залитъ самъ,
И мои вѣки бѣлыми пальцами снѣгъ перетрогалъ,

Ахъ, не много, не много, не много
Минутъ дайте выпить оригинальности:
Вѣдь мои вѣки бѣлыми пальцами снѣгъ перетрогалъ,
Я фонарнымъ золотомъ и снѣгомъ залитъ самъ.

29 Ноября 1913 г.

3.

Иду сухой, какъ старинная алгебра.
Въ гостинной осени, какъ молочный плафонъ,
Блудливое солнце на палки бра,
Не электричащихъ, надѣваетъ сіянье, треща въ нѣмой телефонъ.

И осыпаются мысли усталаго провода,
Задумчивымъ звономъ цѣлуютъ огни,
А моихъ волосъ безцѣнное серебро водой,
Сѣдой омываетъ хилые дни.

Хило прокашляли шаги ушедшаго шума,
А я иду и иду въ вѣнкѣ жестокихъ секундъ,
Понимаете?! Довольно видѣть вечеръ въ позѣ только негра-грума,
Слишкомъ чернаго, чтобъ было видно, какъ утаптывается земной
грунтъ.

Пóтомъ времени исщупанный, можетъ, еще не совсѣмъ достаточно,
Еще не совсѣмъ разсыпавшійся и послѣдній,
Я могу по пальцамъ сосчитать до ста точно
Изъ расколотаго черепа разсыпавшіяся бредни.

Я вѣка лохмотьями солнечной задумчивости бережно
Укрывалъ моихъ любовницъ въ разсѣянную тоску,
А вскисшій воздухъ мнѣ тогу изъ суевѣрій шилъ,
Едва прикрывающій наготу лоскутъ.

И, упорно споря и хлопая разбухшимъ глазомъ, нахально-качается
Доказывая: съ кѣмъ знакомъ и не знакомъ,
А я отвѣчаю, что я только скромная чайница,
Скромная чайница съ невинно-голубымъ ободкомъ.

4.

Звѣзды задумчиво роздали въ воздухѣ
Небрежные пальчики своихъ поцѣлуевъ,
И ночь, какъ женщина, кидая розъ духи,
Улыбку запахиваетъ шубой голубую.

Кидаются экипажи на сумракъ неистово,
Какъ улыбка пристава, разбухла луна,
Быстрою дрожью рукъ похоть выстроила
Чудовищный небоскрёбъ безъ единаго окна.

И, обрывая золотистые, свислые волосики
Съ голаго черепа моей тоски,
Высоко и быстро пристальность подбросила,
Близорукости сметая распыленные куски.

Вышитый шелкомъ и старательно взвѣшенный,
Какъ блоха, скакалъ по городу ночной восторгъ
И секунды добросовѣстнымъ танцемъ повѣшенныхъ,
Отвозя вышедшихъ въ тиражъ въ моргъ.

А меня, заснувшаго нѣсколько пристально,
У беременнаго мглою переулка въ утробѣ торопитъ сонъ
Досчитать выигрышъ, пока фонари стальной
Ловушкой не захлопнули синяго неба поклонъ.

5.

LE CHEMIN DE FER

Л. Ю. Брикъ

„Выпили! Выпили!“—жалобно плачемъ ли
Мы, въ атласныхъ одеждахъ фигуры картъ?
Это мы, какъ звѣзды, счастью маячили
Въ слезящійся оттепелью Мартъ,

Это мы, какъ крылья, трепыхались и бились,
Надъ лѣстницей, гдѣ ступени шатки,
Когда побѣдно-увѣренный вылѣзъ
Черный тузъ изъ подъ спокойной девятки,

А когда заглянуло въ сердцѣ отчаянье,
Гордыми взорами дамъ и королей,
Будто колыхнулся забредшій случайно
Вѣтерокъ съ обнажающихся черныхъ полей,

Это мы золотыми дождями выпали
Мѣшать тревоги и грусть,
А на зеленое поле сыпали и сыпали
Столько радостей, выученныхъ наизусть...

„Выпили! Выпили!“—жалобно плачемъ ли
Мы, въ атласныхъ одеждахъ фугуры картъ?
Это мы, какъ звѣзды, счастью маячили
Въ слезящійся оттепелью Мартъ.

Мартъ 1915 г.

6.

ДѢВУШКА

...Или я одна тебѣ отдана.

(Цесаревна Елисавета Петровна).

Страсть водила смычкомъ по лѣсу
На проборъ причесанныхъ и вовсе лысыхъ сердецъ,
А у загрустившей сумеречно пальцы укололись,
Надѣвая хрупкія грёзы брачныхъ колецъ.

Окуная въ изгибы вечера узкія плечи,
Плакала долго и хрупко совсѣмъ одна,
А вечеръ смотрѣлъ, какъ упорно мечется
Смычекъ страсти, будто пьяница съ грузнаго сна.

И ей шептали, что кто-то фіалокъ у рва
Нарывалъ и бросалъ подножіемъ риѳмъ,
Что ея душа—элементарная алгебра,
А слёзы—нулевой логариѳмъ.

Что раздѣты грёзы и фіолетово-сумеречно
Наструнили стаканы лѣнно вина,
А она уронила въ страстномъ шумѣ рѣчь,
Плакала долго и хрупко совсѣмъ одна.

Февраль 1914 г.

7.

НОВОБРАЧНАЯ

Л. А. Ш-вой.

Строго смотрятъ на неё святые
Изъ-за красныхъ сумерекъ лампадъ,
Наклонила кудри золотыя,
Уронила взглядъ.

Смотритъ семицвѣтнымъ, яркимъ блескомъ
На груди волнуемой кулонъ,
А во взорѣ ласковомъ и дѣтскомъ—
Испугавшій сонъ.

Желтыя мигаютъ смутно свѣчи,
Алый блескъ нѣмымъ стѣнамъ дарятъ,
Какъ вуаль, упавшая на плечи,—
Смутенъ ей обрядъ.

Кончилось. Свершилось заклинанье,—
И склонила блѣдное лицо,
Какъ далекое воспоминанье,—
На рукѣ кольцо.

Промелькнулъ весь вечеръ, какъ въ угарѣ,
Утро вновь блаженно расцвѣло,
Въ плѣнъ давно звучавшихъ, страстныхъ арій
Что то повлекло.

А когда проснулась въ перламутрѣ,
Золотившемъ голубой плафонъ,
То смотрѣлъ въ лицо, отбросивъ кудри,
Тотъ же дѣтскій сонъ.

Іюнь 1912 г.

8.

Ж Е Н Щ И Н А М Ъ

Вы вѣдь не повѣрите,—я только финція,
Уличный вечерній дымъ,
Разскажете, что на Египетъ нападали гиксы,
И онъ все таки не остался пустымъ.

Вы вѣдь не повѣрите, что мраморъ душенъ
И что мраморную душу можно задушить,
Это тѣмъ, которымъ такъ послушенъ
Изъ алмазовъ капель брилліантовая нить.

А вамъ капель шумъ казался ли уменьшеннымъ
Ледянымъ безстрастьемъ снѣжныхъ горъ,
Это всѣмъ, въ глаза глядѣвшимъ женщинамъ,
Мой отвѣтилъ взоръ.

Напишу, а потомъ напечатаю,
И родное будетъ далеко,
Вѣдь смѣшно обкладывать мраморную душу ватой,
А это такъ пріятно и легко.

9.

Поднимаюсь и опускаюсь по зареву
Распалившихся взоровъ тысячныхъ толпъ,
И нелѣпо апплодируя, въ глаза ревутъ
Уличныя суматохи, натыкаясь на трамвайный столбъ.

Затыкаю уши рукоплесканіями слѣпыхъ аудиторій,
И гулъ мостовыхъ обрушивается, какъ тяжелый и мокрый компрессъ,
А въ моемъ тоскующемъ и нарумяненномъ взорѣ,
Есть еще много и много разныхъ чудесъ,—

Голыя женщины въ бездонномъ изумрудѣ,
Зàмки и академіи сѣдобородыхъ королей—
И по пустынямъ безтрепетности уносящаяся на верблюдѣ
Въ равномѣрномъ качаніи путаница міровыхъ ролей.

И все разыграно до миніатюры мизинца
И голоса упакованы въ изящный футляръ,
А я небрежностью реверанса атласнаго принца
Перепутываю пà подернувшихся пылью паръ.

10.

...Сердце разрѣжьте,
Я не скажу ничего.

(К. Большаковъ

Вы вялое сердце разрѣзали
И душу выжали, какъ лимонъ,
И ко мнѣ, задумавшемуся Цезарю,
Вы подносите новый Рубиконъ.

Ахъ, не ступитъ нога вчерашняго гаера
На дрожащія ступени мгновеній. У меня
Вчера на ладони вѣчность растаяла,
А сегодня обязательство завтрашняго дня.

И нищему городу въ обледенѣлыя горсти
Я подаю, какъ мелочь, мой запудренный плачъ,
А на обнаженномъ сердцѣ, какъ на мускулистомъ торсѣ,
Играетъ устало безликій палачъ.

Февраль 1914 г.

ГОРОДЪ ВЪ ЛѢТѢ

Et les Assis, genoux aux dents, verts pianistes,
Les dix doigts sous les sièges aux rumeurs de tambour,
S'écoutent clapoter des barcarolles tristes
Et leurs caboches vont dans des roulis d'amour.

(A. Rimbaud).

1.

ГОРОДУ

А. А. Боровому.

Изъ электричества и пыли
Ты ткешь волнисто-млечный путь,
Багровый бѣгъ автомобилей
И лунъ прикованную муть.

Разорванъ взрывами безмолвья,
Грохочущій, закованъ въ сталь,
Ты проливаешь въ лѣтнемъ оловѣ
Изъ сумерекъ свою печаль.

Израненъ свѣтами въ неволѣ
Ты, солнца ударяя въ гонгъ,
Скликаешь клумбами магнолій
На незацвѣтшій горизонтъ.

Когда жъ проснутся, и упряма
Домовъ шагающая тѣнь,
А надъ тобой багетомъ рамы,
Какъ вѣрный стражъ, недвижимъ день,

Силъ задохнувшихся восторговъ,
Зубчато-сгрызшихся колесъ,
Какъ подъ стекляннымъ тентомъ морга,
Дыханье тяжело пронесъ.

Несовладаньемъ непослушныхъ
Слѣдишь единый стражъ мечты,
Какъ вытекаютъ равнодушно
Изъ „Институтовъ Красоты“.

И по румянамъ и бѣлиламъ,
Прикрывшимъ дряблости морщинъ,
Вдругъ застучишь упругимъ пыломъ.
Распухшихъ сладострастно шинъ.

Когда же въ тѣнь твоихъ бульваровъ
Опустится твой грузный вздохъ,
Ты, отвратительный и старый,
Заснешь подъ чуткій стукъ стиховъ.

Намъ, проституткамъ и поэтамъ,
Слагать восторги вялыхъ губъ,
Чтобъ ты одинъ дремалъ разсвѣтомъ
Въ коронѣ небоскребныхъ трубъ,

Чтобъ былъ одинъ, и чтобъ хранили
Тревогой дышащую грудь
Багровый бѣгъ автомобилей
И лунъ прикованная муть.

Май 1914 г.
Москва.

2.

ГОРОДЪ НОЧЬЮ

Городъ ночью —дѣвушка, гдѣ на бархатное платье
Фонари разсыпали брилліантовое колье,
Истомленная шелками вздоховъ и на кровать ей
Взлѣзали, громоздясь, версты, мили и лье,

А ночная душа изступленно шаталась
И сжимала свѣтовые круги на землѣ,
И мгновеній подъ нѣжными пальцами жалость
Вашихъ ласкъ дрожала на звенящемъ стеклѣ.

Это всѣ ожиданья томленій, на траурѣ перьевъ,
Вамъ кивавшихъ улыбокъ хрустальныя руки,
Это губы убитыхъ въ восторгѣ преддверій,
Это фильмы изъ серій израненой скуки,

Это сонъ въ кружевное преддверье каприза
Вливается рябью мельчайшаго щрифта,
Это Вы ласкали душу Мюръ-и-Мерилиза
Скользящимъ поглаживаньемъ лифта,

И раздавались изступленно серенады
И въ зрачкахъ этажей удивленнымъ озёрамъ проснулись,
Это щелкали счетами рублевые взгляды,
Вырѣзывая иниціалы на плечахъ Іюля.

Іюль 1914 г.
Геленджикъ.

3.

ВЕЧЕРЪ

Л. Б.

Огни портовой таверны,
Брилліанты улыбокъ и ругань.
Въ волосы звуковъ вечернихъ.
Пыль вплетена. Сонъ запуганъ.

Дремлютъ губами на ругани люди.
Вечеръ, какъ узкій рельефъ.
Безмолвно—окунутый спитъ въ изумрудѣ
Кѣмъ то потерянный гнѣвъ.

Кокетки—звѣзды вдоль гавани.
Мертво за стражею парусовъ.
Надъ моломъ фонарь въ бѣломъ саванѣ
Задвинулъ безмолвья засовъ.

Ночь, женщиной еще не причесанной,
Морю склонясь на плечо,
Задумалась, и, тысячу позъ она
Принимая, дышала въ лицо горячо.

Іюль 1914 г.
Одесса.

4.

ВЕЧЕРЪ

Ю. А. Эгерту.

Вечеръ въ ладони тебѣ отдаю я, безмолвное сердце.
Шагомъ усталыхъ трамвай на пылающій западъ
Гибкую шею дуги не возноситъ съ печальнымъ упорствомъ.
Рты дуговыхъ фонарей бѣлоснѣжно оскалили зубы.

Вечеръ — изысканный франтъ въ не небрежно помятой панамѣ
Бродитъ лѣниво одинъ по притихшимъ тревожно панелямъ,
Лѣто, какъ тонкій брегетъ, у него тихо тикаетъ въ строгомъ
Карманѣ жилета. Я отдаю тебѣ вечеръ въ ладони,
Безмолвное сердце.

Апрѣль 1914 г.
Москва.

5.

НА ЛИХАЧѢ

Эти безтрепетныя руки,
Эта удивленно поднятая бровь,
И глаза, безстрастные отъ скуки,—
Это не любовь.

Но вѣдь это утро только первой ночи,
А надъ паркомъ шумъ тревожный и весенній...
Каждое новое горе непонятно жесточе,
Каждое новое счастье непонятно мгновеннѣй.

А рысакъ разсыпается искрами
Сухо рвущихъ дорогу копытъ,
Не продлить поцѣлуями быстрыми
Часъ, что до дна допитъ.

Города ропотъ стихнетъ
Вы взглянете просто и прямо
Ахъ, тамъ, гдѣ святыхъ нѣтъ
Вы—только усталая дама.

Петровскій Паркъ.

6.

РОМАНТИЧЕСКІЙ ВЕЧЕРЪ

Вл. Маяковскому.

Вечеръ былъ ужасно громоздокъ,
Едва помѣщался въ уличномъ ридикюлѣ,—
Неслышный рыцарь въ усталый воздухъ,
Волосъ вечернихъ жужжащій улей,

Отсѣчь секунды идетъ панелямъ,
И медлитъ мечъ по циферблату.
Пролетая, авто грозили,—раздѣлимъ, раздѣлимъ...
Закованъ безмолвіемъ въ латы,

Закрывъ забраломъ чудесной грусти
Лицо, невѣдомый одинъ,
Какъ будто кто то не пропуститъ,
Не скажетъ ласково „уйди“.

Апрѣль 1914 г.
Москва.

7.

НОЧНОЕ

В. О.

Взоръ, шуршащій неслышно шелкъ,
Вечеръ, согрѣтый дыханьемъ голоса,
Это кто то голосъ расплелъ и умолкъ,
И весь вечеръ звенитъ въ тонкой сѣти изъ волоса,

Это кто то волосъ волнъ растрепанныхъ гривъ,
Въ сѣтяхъ запуталъ зданья и улицы,
А на троттуары громоздился людей и шумовъ приливъ,
И билъ въ стѣны рева огромной палицей.

И на дѣвичьей постели метнулась испуганно
Звавшая и ждавшая, потому, что голосъ скосила ночь,
И одна изъ еще незнанному подругъ она
Звала веселію пытокъ помочь.

Ночь, распустивъ вуали изъ тюля,
Поплыла, волнуя фонарный газъ,
И слѣдили упорные взоры іюля
Юноши порочныхъ и ясныхъ глазъ.

Волнуясь изъ вазы возгласовъ вынула
Только трепетъ тревоги, томную тишь,
Молилась, что чаша минула,
Шептала: „желанный, незнанный, спищь?“

Іюль 1914 г.
Геленджикъ.

8.

ЗАПАХЪ ПРОСТРАНСТВЪ

Версты ложились, какъ дѣти, въ колыбели зелени
На мягкіе вздохи изумрудныхъ луговъ,
И клочьями дымовъ, какъ пухомъ устелены,
Вскидывались худыя ребра канавъ и мостовъ,

И надъ бѣгомъ безумья безъ слезъ опрокинутъ
Плещущійся гривами облаковъ океанъ,
Гдѣ, сложивъ молитвенныя руки, стынутъ
Въ мукѣ раскрытыя губы пяти очарованныхъ странъ.

По троттуарамъ бульварной зелени въ рупоръ
Сѣдой Колумбъ отплытье проплакалъ,
И любовно стелется въ небѣ крошечный Ньюпортъ
И звенитъ вѣковой, поросшій ржавчиной якорь...

Вскиньтесь, забытыя, одичавшимъ голосомъ,
Это ночь украли, это васъ хотятъ обмануть,
Вѣдь велѣлъ же сѣдой Колумбъ, веселый самъ,
Вѣтрами безплодій паруса надуть.

Прощайте забытыя острія ученичества
Обманули, украли, и теперь
Повѣшенный взоръ электричества
Умирающій мечется, какъ плѣнный звѣрь.

Іюль 1914 г.
Константинополь.

ТѢНЬ ОТЪ ЗАРЕВА

Siphilitiques, fous, rois, pantins, ventriloques,
Qu'est-ce que ça peut faire à la ..... Paris...

(A. Rimbaud).

1.

ВТОРОЙ ІЮЛЬ

Кн. Н. А. В—ой.

Идемъ, и тѣни въ золотистой чащѣ
Мелькаютъ въ золотѣ, какъ „нѣтъ“, какъ „да“...
Сердца усталыя не бьются чаще
Сегодня, чѣмъ всегда...

А Вы, мой другъ единственный и чудный,
О, хрупкая капризная княжна,
Я знаю, отчего улыбка въ сини изумрудной
Такъ пристально нѣжна.

И отчего разсѣянный Вашъ взглядъ не ищетъ
Кого-то милаго, кого ужъ нѣтъ,
Кто брошенъ, тысячъ тысячи
На грудь гранитную чужихъ побѣдъ.

Багряный вечеръ. Вѣтеръ съ подорожій
Въ паркъ забредетъ лѣнивый и въ пыли...
Кому изъ насъ дороже
Тѣ дни, которые давно прошли

Любили мы, молились одному, тому же,
Кто волновалъ одинъ двоихъ мечты...
Закатъ померкъ и вѣнчики сжимаютъ уже
Дневные кроткіе цвѣты.

20 Іюля 1915 г.

2.

СЕГОДНЯШНЕЕ

Мамѣ.

Кто то нашептывалъ шелестомъ мукъ
Цѣлый вечеръ объ израненномъ сынѣ,
Въ струнахъ тугихъ и заломленныхъ рукъ
Небосводъ колебался, безшумный и синій.

Октябрьскихъ сумерекъ, заплаканныхъ трауромъ
Слеза по сѣдому лицу сбѣгала,
А на гудящихъ рельсахъ съ утра „ура"
Гремѣло въ стеклянныхъ ушахъ вокзаловъ.

Сердце изранилъ растущій топотъ
Гдѣ-то прошедщихъ вдали эскадроновъ,
И наскоро рваныя раны заштопать
Чугуннымъ лязгомъ хотѣлось вагонамъ.

Костлявые пальцы въ кровавомъ пожарѣ вотъ
Вырвутся молить: помогите, спасите,
Вѣдь короной кроваваго зарева
Повисло суровое небо событій.

Тучи, какъ вены, налитыя кровью,
Просачились сквозь пламя наружу,
И не могутъ проплакать про долю вдовью
Въ самыя уши октябрьской стужи.

Октябрь 1916 г.

3.

ПОЛЬШѢ

Михаилу Кузмину.

Іюльское солнце печетъ и нѣжится,
Слѣдя за суетой тревогъ,
Какъ пыльнымъ облакомъ бѣженцы
Катятся лентой дорогъ.

День разгорится и будетъ, будетъ
Жечь и пылить земную грудь,
А сейчасъ уходятъ и уходятъ люди
Въ пристально стелющійся путь.

А за ними, какъ праздникъ, въ лентахъ и ризѣ
Взоромъ яснымъ и кроткимъ слѣдишь,
Какъ слѣдила шаги многихъ сотенъ дивизій
Твою колыхавшихъ тишь.

И звенѣли глухо шпоры и сабли
Звонъ разсыпался, какъ кокетливый смѣхъ
Будто хрупкія пальцы, зябли
Ветлы, обступившія бѣгъ твоихъ рѣкъ.

Шли, и задушенный, ржавый
Лязгъ раскуетъ желѣзныя кольца
Видишь сердце сгорѣло Варшавы
Горячей слезой добровольца.

Черной птицей годъ пролетѣлъ, какъ нагрянулъ,
Полями Польши дымится кровь,
Только сковано сердце въ оковахъ тумана,
Только мукою сдвинута бровь.

Будетъ, будетъ... И гдѣ-бы
Вздохъ сраженій пронесся.—собираются всѣ
Подъ паляшіе взоры іюльскаго неба
Громоздить телѣгами и говоромъ шоссе.

Іюль 1915 г.

4.

БЕЛЬГІЯ

Б. Пастернаку.

Холодъ мести у бойцовъ въ душѣ льда,
Вставшихъ броней отъ Антверпена до Гента.
Не пестритъ торговыми судами Шельда
Синей, безконечно-вьющеюся лентой.

Звонъ невидимыхъ колоколовъ въ туманѣ
Надъ умершей тишиной пустого Брюгге,—
То проходятъ черезъ городъ англичане
Къ битвѣ тяжко громыхающей на югѣ.

А на сѣверѣ равнинъ отцы и братья
Пастью схвачены желѣзною событій.
Спите, наши дочери вплетутъ проклятья
Васъ похитившимъ въ брабантскихъ кружевъ нити.

Шепотъ ихъ разстелется по всей Европѣ,—
Въ волнахъ бальныхъ платьевъ пѣсня о безсмертьи,
О сраженныхъ львахъ маасскихъ черныхъ копей,
О дорогѣ слезъ, о королѣ Альбертѣ.

О побѣдахъ мужество кормить усталыхъ,
О твердыняхъ крѣпостей, воздвигнутыхъ въ сердцахъ,
О растрепанныхъ страницахъ на каналахъ
Изъ нахмурившихся книгъ о раненыхъ годахъ.

Октябрь 1914 г.
Москва.

5.

БЕЛЬГІИ

Владиславу Ходасевичу.

Словно тушью очерчены пальцы каналовъ,
Ночь—суконная, сѣрая гладь безъ конца,
Здѣсь усталое сердце въ тревогахъ устало,
Соскользнула спокойно улыбка съ лица.

Черный городъ заснулъ безмятежной гравюрой
На страницахъ раскрытыхъ и брошенныхъ книгъ,
И уходятъ, уходятъ задумчиво хмуро
За таящимся мигомъ таящійся мигъ.

Спи, послѣдняя ночь! Эти хрупкія пальцы
Такъ пронзительно въ плечи земныя вплелись,
Эти чуткія дѣти, минуты страдальцы
Навсегда въ этотъ сѣрый покой облеклись.

И для вѣчнаго сна пусть построятъ легенды
Какъ ажурныя башни суровыхъ дворцовъ,
И стихи заплетутся въ нарядныя ленты,
Зазвенятъ, какъ наборъ золотыхъ бубенцовъ.

Но сегодня, какъ завтра, сраженный не боленъ...
Эта кровь, эти пятна не брызги же ранъ,
А просыпанный звонъ изъ твоихъ колоколенъ,
Какъ кровавые маки, въ безцвѣтный туманъ.

Спи послѣдняя ночь! И не будетъ двухъ Бельгій,
Сонъ колышатъ раскаты грохочущихъ битвъ.
Этотъ мѣсяцъ и годъ! Даже въ дѣтской постелькѣ,
Какъ узоръ, были вытканы слезы молитвъ.

Октябрь 1915 г.
Москва.

6.

НА ЗАПАДѢ

Вл. Маяковскому

На сѣрыхъ волнахъ въ пескѣ и пѣнѣ
На дюнахъ щепчущійся мракъ,
То гладко причесанныя троттуары Лондона
Кинули сталью пружинящій шагъ.

То кто-то дряхлыя сгибая колѣни,
Молится, шамкая: „Господи,
Со всѣхъ сторонъ дана
Въ кружевѣ фландрскаго золота лѣни,
Врагу на терзанье страна...“
Сквозь черный и тонущій вечеръ въ каналы
Золотыми ожерельями слезъ падутъ
Эти слова усталыхъ
Къ Господу.
А вѣтеръ соленый, путаясь въ реяхъ
Въ даль уходившихъ кораблей,
Запахъ пороха, украденный на приморскихъ батареяхъ
Унесетъ къ чужой землѣ
Гдѣ-то проплачутъ... О плачьте, плачьте!
Слезы соленаго вѣтра капайте!
Это на истекающемъ кровью западѣ.
Вскинуты молящія руки,
Вамъ разскажутъ, что даже съ самой низкой мачты
Среди дальняго плаванья скуки
Видна.
На сѣрыхъ волнахъ въ пескѣ и пѣнѣ
Умирающая истерзанная страна,
Слышно, какъ кто-то сгибая колѣни
Молится, шамкая: „Да, да...
Ахъ зачѣмъ сквозь вечернія стелящіяся тѣни
Задыхаясь выползаетъ война...“
Года
Стальные раскаленною пастью

Проглотили тысячу лѣтъ въ одинъ мигъ,
Ахъ, не вернуться, не вернуться кѣмъ украденному счастью,
Какъ первымъ страницамъ прочитанныхъ книгъ.

Тверь. Вокзалъ.
I. XII 1941 г.

7.

АНГЛІИ

Валерію Брюсову

Изъ стали лондонскихъ тумановъ
Страна, сковавшая народъ,
Нависшая надъ океаномъ
Арктически-свинцовыхъ водъ,

Замкнувшая водами Ганга
Имперію въ полярный кругъ,
Ты въ цѣломъ мірѣ иностранка
Въ брезгливости небрежныхъ рукъ.

Всѣхъ странъ какъ въ ситѣ, сѣешь въ Сити
Посѣвы золота тебѣ.
О, вѣрить ли?—Просилъ: „пустите“
Левъ, заскучавшій на гербѣ,

Волной прилива, что отрѣзалъ
Тебя отъ нихъ, къ нимъ бросилъ въ даль,
Какъ на тебя когда то Цезарь
Своихъ когортъ гранитъ и сталь,

Чтобъ въ полдень полутемныхъ лавокъ
И въ тѣнь фламандскихъ мастеровъ
Внести ликующую славу,
Второго солнце Ватерлоо,

Чтобъ на глухой въ надменной силѣ
На вздохъ Потсадмскаго орла,
Какъ на расцвѣтъ Бурбонскихъ лилій
Рука спокойная легла.

Твои побѣды въ общемъ кличѣ
Сквозь сизый и нависшій дымъ,
Какъ за шагами Беатриче—
Суровый Данте, мы слѣдимъ,—

Вы, дѣти холода и спорта,
Не изъ объятій рождены,
Но вмѣстѣ съ нами распростерты
На огневомъ крестѣ войны.

7. I. 1915 г.
Москва.

8.

ПОСЛѢ...

Юрію Юркуну.

Сберутъ осколки въ шкатулки памяти,
Днямъ пролетѣвшимъ склонятъ знамена
И на заросшей буквами, истлѣвшей грамотѣ
Напишутъ кровью имена

Другимъ повѣритъ суровый грохотъ
Въ поляхъ изрѣзанныхъ траншей,
Вновь услыхать одинъ ихъ вздохъ хоть
И шепотъ топота зарытыхъ здѣсь людей...

Осенній вѣтеръ тугими струнами
Качалъ деревья въ печальномъ вальсѣ:
„О, только надъ ними, только надъ юными
Сжалься, о, сжалься, сжалься“:

А гимнъ шрапнели въ неба раны,
Взрывая искры кровававой пѣны,
Дыханью хмурому сѣдого океана
О плѣнникѣ святой Елены,

Тѣнямъ, возставшимъ неохотно
Слѣдить за крыльями трепещущихъ побѣдъ,
Гдѣ ласково стелется трескъ пулеметный
На грохотѣ рвущихся лѣтъ...

Октябрь 1914 г
Москва.

9.

ЦАРЬГРАДУ

А. К. Маріэри.

Этой робости раны никто не залѣчитъ...
Бронзовыя копошатся дѣти,
И не спрячутся смуглыя и острыя плечи
Въ кружевномъ одѣяньи мечетей,

Не прошепчутъ корявыя буквы Корана,
Чертитъ Босфоръ лишь лунная фелука
Какъ будто капаетъ съ лезвія ятагана
Отравленная временемъ и безсиліемъ скука.

Это Райи Балканъ стягъ краснымъ по синему
Покрыть лохмотья среди ропщущаго гула,
Это Руми заставили мелкими зубами кинемо
Изгрызть древній бархатъ ночного Стамбула,

Это автомобилей несытыя руки
Исщупываютъ мглу сжавшихся улицъ,
Это за горизонтомъ отравленные каплями скуки
Паруса поникшіе лѣниво встрепенулись.

Не пророютъ ятаганомъ янычары
Ярости и крови гордый въ вѣкѣ ровъ,
И развозятъ пароходы исчезающія чары,
Цѣпко схваченные пальцами Бедекеровъ.

16 Іюля 1914 г.
Константинополь.

10.

ПОСЛѢДНІЙ ГИМНЪ

Сергѣю Боброву

...Солнце уже больше не восходитъ изъ страны веселья: оно слишкомъ любило Старую Землю...

(„Земная Смерть“).

Ломкій говоръ отходящихъ на покой мгновеній,
Вечеръ въ проводахъ послѣдней радости запутанъ.
Бѣлые, безкровные глаза, ползите изъ закатной тѣни!
Ave, Caesar, morituri te salutant.

Вамъ—душа израненная, истекающая кровью,
Выпитыхъ минутъ растерзанный и неодѣтый бредъ,
Это Вамъ съ вонзившейся стрѣлой въ безкровье лика бровью
Кровью запекшееся время, котораго уже нѣтъ.

Городъ въ заревѣ послѣднихъ умираній и пожаровъ
Дѣвушка изъ облака прорѣзала, летя,—
Пыльные шаги вдругъ засверкали въ троттуарахъ,
И бульвары зарыдали хлипко, какъ дитя,

Выросли мосты израненной и бѣлой ночи,
Въ кружевѣ карабкаясь по стершимся минутамъ,
А зрачки расширились, и миги вдругъ короче,—
Ave, Caesar, morituri te salutant.

2 Іюня 1914 г.
Москва.

НУК

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.
*Вступленіе 5

МОЛИТВЫ ЛЮБИМЫМЪ

1. Молитва любимой 9
3. Еще молитва 10
*3. И еще. 10
4. О, королева, вчера 11
5. Нѣтъ, здѣсь не Вамъ... 12
6. О, темный шелкъ кудрей. 12
*7. Пилъ безнадежный чай... 12
*8. Офелія изъ облаковъ 13
*9. Молитва послѣдняя 13
10. Мадригалъ 14

СЕРДЦЕ ВЪ ПЕРЧАТКѢ

1. Посвященіе 17
2. Грезная ванна 18
3. Мягко въ моторѣ... 18
4. Аттракціонъ 18
5. Иммортель 19
*6. Весна въ кинематографѣ 19
7. Аэромечта 20
8. Августу 20
9. Вы носите любовь... 21
10. Баллада о королевѣ Май 21
11. Автопортретъ 22
12. Милостивые Государи... 22
13. Монету жалости опуститъ... 22
14. Святое ремесло 23
*15. Загороднаго сада... 24

МОЙ ГОДЪ

1. Prelude 27
2. Весна 28
3. Весеннее 28
4. Лѣто 29
5. Вернисажъ осени 29
6. Осень 30
7. Зима 30
8. Самоубійца 31

КАКИХЪ ТО СООТВѢТСТВІЙ

1. Луна плескалась... 5
2. На улицѣ 36

Стр.
3. Иду сухой... 37
4. Звѣзды задумчиво роздали... 37
5. Le chemin de fer 38
6. Дѣвушка 39
7. Новобрачная 39
8. Женщинамъ 40
9. Поднимаюсь и опускаюсь 40
10. Вы вялое сердце разрѣзали... 41

ГОРОДЪ ВЪ ЛѢТѢ

1. Городу 45
2. Городъ ночью 46
*3. Вечеръ (Огни портовой таверны...) 47
4. Вечеръ (Вечеръ въ ладони...) 47
5. На лихачѣ 48
6. Романтическій вечеръ 48
7. Ночное 49
8. Запахъ пространствъ 49

ТѢНЬ ОТЪ ЗАРЕВА

1. Второй Іюль 53
*2. Сегодняшнее 54
3. Польшѣ 54
4. Бельгія 55
5. Бельгіи 56
*6. На западѣ 57
7. Англіи 58
*8. Послѣ 59
9. Царьградъ 59
*10. Послѣдній гимнъ 60

(Стихи, отмѣченныя звѣздочкой, появляются въ печати впервые).

Обложка работы *Л. М. Лисицкаго.*

ЦЕНТРИФУГА

1916

Второй сборникъ ЦЕНТРИФУГИ. М. 1916. стлб. VIII+112. Ц. 1 р. 75 к.

Божидаръ, Распѣвочное Единство. Редакція, предисловіе, комментаріи Сергѣя Боброва М. 1916. Стр. 88 Ц. 1 р. 25 к.

Константинъ Большаковъ, Солнце на излетѣ. Вторая книга стиховъ. Обложка Л. М. Лисицкаго М. 1916. Стр. 64. Ц. 1 р. 25 к.

И. А. Аксёновъ, Елисаветинцы. Вып. I. (Фордъ, Вебстеръ, Тернеръ).—(Печатается).

Рюрикъ Ивневъ, Золото Смерти. (Печатается).

И. А. Аксёновъ, Неуважительныя Основанія. Книга стиховъ. Съ двумя офортами А. А. Экистеръ. (Печатается).

Сергѣй Бобровъ, Лира Лиръ. (Печатается).

И. А. Аксёновъ, Пикассо и окрестности. (Печатается).

Сергѣй Бобровъ, Основы стиховѣдѣнія. (Готовятся).

Письма и заказы:—С. П. Боброву, Москва, Погодинская, 4, 45.

145 I Кн А.
RAN. RK 52/5

HELSINGIN
YLIOPISTON
KIRJASTO

14918

1 Р. 25 к.

клише и печать ю. вельманъ москва, арбатъ 7.